

ИЛЬЯ КОГАН

ЛЕСНАЯ, 27

ИНТЕРЛЮДИЯ,
ИЛИ
ЗАПИСКИ БЕСПЕЧНОГО АССИСТЕНТА

Я не успел войти в объединение, как директор Дубинкин поманил меня пальцем.

— На ковер! — сказал он голосом, в котором звучало: «Трепещи!».

Я и затрепетал. И сдерживая дрожь в коленках, вошел в комнату Долина. Рядом с ним сидела Галина Андреевна Ельницкая.

— Вот и он! — сказала она. — Пусть колется! А то подозревают меня! А я ни сном, ни духом!..

— Скажите, — строгим голосом обратился ко мне Борис Генрихович. — Это ваш сюжет о братьях Люмьерах?

«Все! — в страхе подумал я. — Сейчас Долин начнет наливать красным и водить туда-сюда пальцем. И кричать: «Вы из меня дурака не делайте!».

— Мой... — безнадежно признался я, сглатывая подступивший к горлу комок.

Я стоял «на ковре», стесняясь свои рук, своих ног, своей проклятой застенчивости. Удивлялся, чему это Галина Андреевна исподтишка усмехается?

И думал: «Как я дошел до жизни такой?».

Прошлое иногда сравнивают с островом, окруженном океаном времени. А память — с биноклем, который позволяет разглядеть призрачные фигурки на том берегу. Ты видишь тех, кого уже нет с тобой, но кто оставил тебе свои мечты и надежды, свою веру в тебя и свою любовь. Не надо напрягать зрение, вот же они — рядом: и Валентина Яковлевна, и Виктор Миронович, и Галина Андреевна.

Ах, Галина Андреевна! Всегда в облаке сигаретного дыма, всегда готовая сорваться с места и лететь невесть куда, увлекая в своем порыве преданную ей стайку. Как Жанна д'Арк: *«Кто любит меня, за мной!»*.

Она уже сняла и «Русачка», и «Серую звездочку», и «Окна настежь!», когда ей представили нового ассистента. Она сама не один год провела в этом качестве и поэтому приняла меня со всей возможной деликатностью.

— А вы знаете, кто у меня директор картины? — осторожно спросила она.

Да знал я, знал. Мы ведь работали на одной студии. Что же мне — с ней не встречаться. Радости никакой, конечно, дома не будет. Но придется смириться. Это же работа.

Снимали мы сюжеты для киножурнала, посвященного столетию вождя мирового пролетариата. Все сюжеты — о чем-то, связанном с именем Ильича. Первый был о Библиотеке имени Ленина. Вообще-то, я давно уже пользовался научным читальным залом — собирал материалы для сценариев. Бывал и в отделе рукописей, и в отделе редких книг. Но теперь я получил доступ в книгохранилища. Было интересно видеть километры стеллажей в глубоких подвалах. Снимали мы, и как собирают книги по требованиям читателей, и как отправляют их по пневмопочте наверх. Оказывается, все громадное здание пронизывала сеть труб, по которым сжатый воздух гонял документы и литературу.

Снимали мы, снимали, а в перерывах Галина Андреевна понемногу рассказывала о себе. Отец ее был каким-то комиссаром в Гражданскую войну. Где-то не то в Сибири, не то на Волге. Потом его перевели в Москву. Ехали они туда на бронепоезде. А в прицепной теплушке моталась корова, которую отец сообразил прихватить с собой. Время-то было голодное, вот и пасли скотину на Собачьей площадке, рядом с Арбатом. А молоком кормили всю огромную еврейскую родню матери. Интеллигенты же — сами о себе позаботиться не могли.

Меня еще и на свете не было, когда Галина Андреевна окончила литературный факультет Московского университета. И попала редактором на Хронику. А потом она много-много лет вкалывала ассистентом на «Моснаучфильме».

Мне она такой участи не желала. Поэтому сразу же усадила меня за монтажный стол. Под ее наблюдением я разобрал снятый материал и более-менее удачно склеил сюжет.

Но потом... Она принесла материал, снятый Юрой Даниловым. О каком-то мастере художественной обработки железа.

— Смонтируйте сами! — приказала Галина Андреевна.

«Сам». Легко сказать. Первым делом я покромсал весь материал на планы. Разложил их по полочкам. И... тут же забыл, в каком порядке они стояли. Схватился за голову. Но... «Поздно, тетя, пить боржоми!». Почесал, почесал репу. «Не идти же сознаваться!». И стал клеить куски по наитию. То, что крутится, с тем, что вертится. Бьющий молот с летящими искрами. Руки мастера с его лицом. И что вы думаете? Приняли без единого замечания. Много позже монтажница Галя Галушкина признавалась мне, что именно так она работает, когда режиссера нет рядом. Или когда он, как Елена Павловна, сидит в уголке и вяжет что-то бесконечное. Клеит то, что крутится, с тем, что вертится. Главное, чтобы в кадре все время что-то двигалось. «Это же кино!».

А потом Глина Андреевна отправила меня в Ленинград. Снимать фабричные пейзажи времен революции. Неизвестно, знал ли об этом Долин.

— Галина Андреевна? — спросил я. — А вы помните, как выглядели эти пейзажи?

— Что же, по-вашему, — я старше Адама? — обиделась Галина Андреевна. — Посмотрите фильм «Юность Максима!

Вот и ездили мы с оператором Колей Зотовым по городу на Неве, искали заводские трубы и корпуса помрачнее. Этого добра там хватало. А я все приставал к Коле:

— Снимай, как у Козинцева и Трауберга!

И допекал его словом «атмосфера». Как нас во ВГИКе учили.

В Москве меня ждал сюрприз. Режиссер Борис Михайлович Гольденбланк — тот самый, что стыдил нас, комсомольцев, за пассивность, — предложил мне поехать вместо него в Жигули. И снять сюжет о Гидростанции имени Ленина. В тот же юбилейный номер ХВЗ.

— Галина Андреевна? — снова спросил я режиссера. — А у меня получится?

— А вы хотите стать режиссером? — ответила она мне вопросом на вопрос. — Или будете двадцать лет ходить в ассистентах? Как я...

Хочу ли я стать режиссером? А я и сам не знал точно. Как будто, хочу. Но могу ли? Я не самый глупый и не самый темный. Но ума и образования для этой профессии мало. Это я уже понимал. Как говорила Валентина Яковлевна про одного нашего общего знакомого: «У него всего одна извилина, но она та самая!...».

Группа уехала туда до меня. Коля Зотов снимал что-то в местном пионерском лагере.

«Ладно! — решил я, подъезжая к Жигулям, — Буду работать, будто я и в самом деле режиссер!»

Я ведь уже бывал на этой станции. Поэтому сразу же повел Колю на «намоленное» место, откуда лучше всего был виден общий план плотины. На ту самую площадку, где были дырки от штатива. Коля не возражал. В машинном зале я, как и в прошлый раз, попросил прогнать мостовой кран с деталью — для «оживляжа». Догадался снять и макет турбины в разрезе — с крутящимися лопастями. Коля опять не возражал.

Жили мы в лагере. Принимали нас, как почетных гостей. По утрам строй пионеров приветствовал шествующую вдоль линейки группу. Коля Зотов и осветители отдавали пионерский салют. Я от этой чести уклонялся. Стеснялся. А вечерами мы сидели с ребятами у костра, слушали битловские песни под гитару.

А некоторые даже катались с вожатыми по ночной Волге.

Одно досаждало: мышки, хозяйничающие в нашем домике-вагончике. Они не церемонились — шныряли вокруг, деловито выискивая, чем бы поживиться. Прежде, чем надеть ботинок, надо было тщательно вытряхнуть его.

Дома директор группы встретила меня неприятным известием:

— Пару дней к Галине Андреевне не приставай!

— А что так?

— Виктор Викторович...

Дальше можно было не объяснять. Виктор Викторович Моргенштерн был мне памятен по фильму «Я был спутником солнца». Я помнил, как в Ялте ранним утром он застенчиво крался из дверей винного магазина.

Моргенштерн был из рода шведских баронов. Но вот фамилия — она играла с ним злую шутку. То ему приходилось доказывать, что он не немец, то — что не еврей. Это не мешало Виктору Викторовичу с некоторым высокомерием относиться к еврейской родне Галины Андреевны.

Познакомились они в какой-то богемной компании. Галина Андреевна вспоминала ее с брезгливой гримасой. «Собирались в босяцкой берлоге. Весь пол в окурках и винных пробках». Моргенштерна она оттуда вытащила, но — вместе с пагубной привычкой. Время от времени она давала о себе знать.

После Ялты я относился к Виктору Викторовичу с некоторой долей иронии. А зря! Он был, что называется, «интеллектуалом», и его фильмы об истории русского искусства (о Малом театре, например) до сих пор бродят в интернете.

Я смонтировал сюжет и вручил его Гольденбланку. Он посмотрел- и тоже не возражал.

При встрече Галина Андреевна загнала меня в угол и стала запихивать в мой карман какие-то деньги.

— Галина Андреевна! — взмолился я. — Мне за работу с вами государство платит!

— Это постановочные, — твердила она, смущенная не меньше, чем я. — За сюжеты, которые вы монтировали!

— Я же просто... Ну вроде как играл...

— Вот и дальше играйте! А иначе из вас вряд ли что-нибудь получится!

Жизнь учит нас мудрости. Жаль только, что мы плохие ученики. До меня тогда не сразу дошли слова моего режиссера. Мы ведь с ранних лет начинаем сооружать памятник себе. Бронзовеем, пыжимся стать собственной статуей. Не соображая того, что

творческий человек должен сохранять детское видение мира и хотя бы память о детской непосредственности.

Так было и со мной. Я едва не лишил себя духовной близости с человеком, который обладал этими качествами.

— Галина Андреевна! — ныл я. — Ну зачем нам этот... Он же из этих... Из детей...

Женя, и правда, был сыном директора картины. Его отец, Ефим Потиевский, выглядел вальяжным ухоженным мужчиной. Он прожил благополучную жизнь и, видно было, не обременял себя лишними заботами. Но сына он вырастил хорошего. Я это понял не сразу. Евгений Потиевский жил, играючи. Не было в нем той угрюмой серьезности, с которой люди недалекие утверждают себя. Он позволял себе сомневаться и рисковать. «А давайте сделаем так!.. А попробуем этак!..». Сначала это насторожило меня. Что же — всю жизнь пробовать? Когда же работать? А ведь Женя уже не мальчик. Ему тридцать лет, и он заканчивает ВГИК. И наша картина должна стать его дипломом.

А картина называлась «Тайна Летучего голландца». Автором числился неизвестный мне человек на букву «Б». Дедуктивный метод позволил заключить: написал сценарий Виктор Миронович. Это была вынужденная хитрость: как и всякий редактор, Зотов имел право только на один сценарий в год. Хочешь писать больше — ищи прикрытие. К сожалению, так же вынуждены были поступать и Нина Марковна, и Берта Михайловна, когда стала редактором.

Сценарий был очень интересным. Речь шла о миражах. Ведь легенда о корабле-призраке, обреченном вечно скитаться по морям, — это порождение действительных встреч с миражами. Так же как и не достигаемые оазисы в пустыне, и лужи на нагретом асфальте.

Снимать эти лужи первым догадался Женя.

— Смотрите! — радовался он. — Смотрю сверху — луж нет. Опускаюсь на корточки — вот они!

— Нужен же операторский кран... — засомневался я.

— Обойдемся! — решительно заявил Женя. Он придумал площадку, которая крепилась на груди оператора и позволяла плавно поднимать и опускать камеру

В жаркий день мы выходили на шоссе. Стоило пригнуться — и дорога впереди блестела от водяных озер. А сверху она выглядела совершенно сухой.

Пустынные миражи мы собирались снимать в Средней Азии. Но тут, как назло, по югу прокатилась легкая волна холеры. Был объявлен карантин. Мне представилась возможность отличиться.

— А давайте поедem на Куршскую косу! — предложил я. — Там же такие песчаные дюны! Настоящая пустыня!

И мы снова оказались в Рыбачьем. Ассистентом у Жени была девушка Вера, которая одной ручкой могла поднять всю съемочную аппарату. По-моему, Женя слегка робел перед ней. Но чистить рыбу она не отказывалась.

А миражи в дюнах были самые настоящие. С озерами и деревьями на берегу. Они струились в мареве горячего воздуха и казались такими близкими (Много-много позже по дороге в Абу-Симбел мне доведется ехать за таким озером-миражом, догонять, догонять его и никак не догнать).

Запомнилась поездка в Ниду — курортное местечко на берегу залива. Дорога шла по косе. Это была типично советская дорога — с выбоинами и запущенными обочинами. Потом был шлагбаум, и мы оказались в Европе — какой мы ее себе представляли. Аккуратные столбики по бокам, ухоженные окрестности и глубокая бухта внизу с пестрыми парусами яхт. Нам показали виллу Томаса Манна и домик Геринга. А вокруг на мачтах скрипели флюгера

На пароме мы переправились в Клайпеду. На портовом катере объехали корабельное кладбище. Спорили о том, как лучше снимать проржавевшие остовы судов. И я понял, что Галина Андреевна и Женя видят мир зрением, все еще недоступном мне. И говорят на языке, который я до конца не понимаю. О красоте кадра я мог судить только по экрану. А представить, как будет выглядеть брошенный корабль, если чуть-чуть притемнить и размыть изображение, если выбрать правильную скорость панорамирования и нужный ракурс, мне было не дано. А Женя видел тоску корабельного кладбища и умел передать ее. Причем он не прибегал к сложным техническим ухищрениям. Намазывал края стекла вазелином или — еще проще — снимал через содранную с пачки сигарет пленку. Оператором он был, что называется, «от бога».

Когда дело дошло до изготовления комбинированных кадров, я совсем перестал соображать. Что с чем надо совмещать, чтобы в сумеречном свете возникал и исчезал призрачный парусник, чтобы он летел, разрезая волны, или невесомо плыл над морем, Галина Андреевна и Женя решали без меня. Я не хотел чувствовать себя «третьим лишним», и поэтому тихо отошел в тень. Тем более, что у меня было чем заняться.

Мы переезжали. После долгих и нервных поисков нам удалось обменять свои две комнаты на «двушку» в кооперативном доме. С выплаченным первым взносом. Кто не жил в коммуналке, тому не понять нашей радости. Иметь собственный дом — хотя бы и «носопырку», как выразилась одна наша приятельница! Все было в удовольствие: и сборы, и переезд, и покупка мебели. Я даже завез к себе свою группу, мы выпили за но-

воселье и съели арбуз за новеньким столом. К тому времени и Галина Андреевна, и Женя тоже жили в собственных квартирах в одном доме.

И мы продолжали работать с Бертой. Вот здесь я чувствовал себя более уверенно. Все-таки слово мне было ближе изображения. Я мог придумать немудреный сюжет и облечь его в подходящие случаю фразы. А Берта по-прежнему просеивала мои «придумки» сквозь строгое сито здравого смысла. Она окончила Высшие сценарные курсы, и в ней все больше проглядывало редакторское начало.

Нам были уже тесны рамки любимого киножурнала. И мы вспахивали мало тронутое пока телевизионное поле. Писали сценарии для курса «Природоведение» на учебном канале. «Птицы осенью», «Звери зимой», «Люди — друзья природы». И так далее. Для школьников. Работали у Берты. Вернее, у ее мамы. Берта в очередной раз ушла от мужа Руфы и жила у мамы, на Пролетарском проспекте.

Елена Константиновна — женщина решительная и суровая недолюбливала своего зятя. Не нравилось ей его пристрастие к зеленому зелью. И вообще, не пара он ее Бечке. «Замоскворецким купчиком» называла она его. Что-то в этом было.

Квартира была новая, и мы с удовольствием обживали роскошный кабинет, купленный Бертиным братом, Аликом. Мы рассказывали мальчику Кемау из далекой африканской страны про природу и животный мир средней полосы. Я уже успел замучить этим Кемау своих домашних. И теперь доставал им Елену Константиновну. «Знаешь ли ты, Кемау, — спрашивал я громким голосом, — что такое русский мороз?».

— Кемау! — прервала меня хозяйка дома. — А ты мужик?

— Мама! — застеснялась Берта.

— Да я в другом смысле... Может он кухонную полку повесить?

Могу ли? Я вспомнил, как совсем недавно проводил в квартиру дверной звонок. Он был какой-то сложной конструкции, с ртутным пузырьком внутри. И вешать его надо было в строго определенном положении. Я сделал все по инструкции и, удовлетворенный, позвал Таню.

— Смотри! — с гордым достоинством сказал я. И нажал кнопку. Раздалась оглушительная трель... у соседей! Как так вышло?

— Еврейский мастеровой! — обозвала меня Таня.

— Мамочка! — спасла меня Берта. — Нам работать надо!.. Так что там Кемау?

Через пару дней в самый разгар работы на кухне раздался жуткий грохот. Помогая собирать осколки посуды, я с невероятным чувством облегчения думал: «Господи! Как хорошо, что не я вешал эту полку!».

Раза два мы работали у нас. Берте очень понравилась электро-шашлычница. Но в третий раз, едва мы отъехали от Елены Константиновны, Берта вдруг смущенно призналась:

— Знаешь что? Я поеду к Руфе! Только мама должна думать, что я ночую у вас!

А вскоре Берта вообще «сделала нам ручкой». Сменила профессию. Ушла редактором в объединение учебных фильмов. А нам привела нового директора.

Леонид Сергеевич Дубинкин был «карманным мальчиком» Вадима Разумовского. О Разумовском ходили легенды. Сразу после ВГИКа он стал начальником планового отдела «Мосфильма. И довольно шустро дослужился до кресла зама Председателя Госкино. Дубинкин пригнулся рядом с ним. Сопровождал на футбол, покупал билеты, отвозил хмельного домой. И, вероятно, помогал выпутываться из щекотливых ситуаций, в которые Разумовский был мастак попадать.

Берта была однокурсницей Дубинкина. Уж не знаю, что она в нем углядела — только в нем не было ни ее культуры, ни ее широты, ни ее обаяния. Какое там обаяние! Косноязычие и склонность к мелким интригам — разве это может вызывать уважение?

В общем, Берта Михайловна отряхнула прах... Но наша совместная работа продолжалась. Правда, с Природоведением мы завязали. Там не нашли ничего лучшего, чем предложить мне писать под другой фамилией. Антисемит Лапин уже проводил свою кадровую политику.

Берта вернулась к Руфе. И мы снова работали на улице Горького. Писали сценарий об изобретении фонографа. «У Мэри был барашек» — так звучала строчка из детской песенки, которую Томас Эдисон записал первой. И снова мы раздражали буку Руфу своим весельем: заводили патефон, громко смеялись и даже пытались петь.

Снимать сюжет должна была Галина Андреевна.

— У меня монтаж! — сказала она. — Снимайте сами!

Женя Потиевский согласился быть моим оператором. И мы с ним отправились в Политехнический. Там было масса интересного. Первые фонографы, восковые валики с записями Шаляпина и Карузо. Граммофон с огромной трубой. Старые пластинки. Мне хотелось снять все.

— У тебя же всего две минуты! — останавливал меня Женя. Но сам заводился и снимал все, что я ему подсовывал.

Конечно, при монтаже половину снятого я выкинул. Все равно получился очень насыщенный сюжет. Я уже понимал, что при умении за полторы-две минуты можно сказать очень много.

Выпускал журнал с этим сюжетом Семен Райтбург. Он блюл конспирацию — делал вид, что о моей подпольной работе ему ничего не известно. Только произнес, ни к кому не обращаясь:

— Тот, кто снимал сюжет, должен добыть эту фразу по-английски!

Я поскакал на Лесную, 27. Там к тому времени озвучивали фильмы на иностранных языках. Английский диктор взял бумажку с моей строчкой и несколько раз произнес с американской гнусавостью: «*Mary had a little lamb*».

Семен Липович был доволен. А Долин делал вид, будто ничего не знает...

...Итак, я стоял «на ковре» и трепетал. Конечно, раньше или позже это должно было произойти. Мои тайные опыты могли выйти боком Галине Андреевна. И всем, кто меня покрывал.

— И сценарий тоже ваш? — продолжал допрос Долин.

Я только кивнул.

— Почему я никогда ничего не знаю! — с досадой сказал худрук. А я подумал: «Неужели моей работе здесь пришел конец? А такая хорошая была жизнь!..

Жизнь была разная... Теперь мы с Бертой торчали в Уголке Дурова. Не то, чтобы мы дня не могли прожить без дрессированных львов. Просто Берта пробила в Объединении «Экран» договор на сценарий о дедушке Дурове. Мы даже аванс получили. И стали читать книги, смотреть старую хронику с кадрами знаменитого дрессировщика. И пить чай у его внучки — Анны Владимировны, хозяйки Уголка. И еще ломать себе головы: кто же у нас будет рассказчиком? Мы уговаривали главного вахтанговского режиссера Рубена Симонова, подкарауливали в цирке Юрия Никулина, соблазняли иллюзиониста Игоря Кио. Завели массу знакомств, но дальше приятных разговоров дело не шло.

Дело вообще продвигалось туго. Что-то мы никак не могли ухватить нерв сценария, найти то зернышко, которое проросло бы забавным сюжетом. Я заскучал и стал слегка покусывать Берту. Мне же всегда нужен козел отпущения.

В общем, сценарий наш тихо почил, И Светлана Дружинина, которая должна была делать фильм, занялась другой работой.

Шел 1971-й год. Я вспоминаю это время как одно из самых приятных в жизни.

Я писал сценарии — и один, и с Бертой. Галина Андреевна позволяла мне пробовать силы в режиссуре. Борис Генрихович сам (сам!) предложил мне написать сценарии

для журнала к юбилею пионерской организации. Как-то мне удалось обойтись без красных галстуков и идеологических штампов. Я придумал вполне невинные сюжеты: о детском моделировании, о детских рисунках и о спасении рыбе́й молодежи. Снимал сюжеты Саша Миронов.

Самым сложным оказалось найти ведущего, который объединил бы все сюжеты. Долин имел в виду Лаврентьева — президента тогдашней Академии наук. Я даже написал для него текст — «Слово к пионерам». Потом всплыла кандидатура космонавта Леонова. И, в конце концов, договорились со знаменитым кукольником — Сергеем Образцовым.

Он засел в монтажной, смотрел материал и набрасывал комментарий к журналу.

По каким-то делам я зашел туда. И услышал его недовольное бурчание: «Вот! Кто-то понаписал черт-те что, отхватил все деньги. А я должен приводить это в божеский вид- за какие-то жалкие восемьдесят рублей!». Я застенчиво ретировался. «Вот тебе и великий Образцов! — думал я. — А я-то в детстве не пропускал ни одного его спектакля! Сыпал цитатами из «Необыкновенного концерта»! Не знал, как благодарить его за то, что он привез в Москву песни Ива Монтана!». Мне было чуточку неудобно. Но только «чуточку».

И мне было очень уютно в моей съемочной группе. Мы с Галиной Андреевной и Женей Потиевским делали фильм «За что мы их любим». «Мы», конечно, -сильно сказано. Я был участником чисто физически. Но я смотрел, слушал, запоминал. Чему-то, наверное, учился. Не умом, а какой-то внутренней памятью. И увиденное-услышанное оседало в неведомых тайниках души.

Фильм состоял из нескольких новелл — собачьих историй. Одну из них — о храбром щенке Чинке, по Сетон-Томсону, — мы снимали на зообазе в Петушках.

Построили вольер, куда посадили молодого волка — «хулигана», от которого по сюжету должен был обороняться Чинк. В один, не самый прекрасный, день, я почему-то остался один у вольера. Дурная голова рукам покоя не дает. Я решил приручить волка. Открыл дверцу и стал приманивать его куском мяса, оставшимся после обеда. Волк презрительно огрызнулся и преспокойно вышел в открытую дверь. «Мамочки! — похолодел я. — Шубин меня убьет!». Ворота зообазы стояли нараспашку. Волк вороватой рысью миновал их и выскочил на улицу. А по ней как раз шли люди с московской электрички. Что тут поднялось. Женщины кричали, мужчины выражались непередаваемой игрой слов. Кто-то стал спасаться на пожарной лестнице барака, стоявшего напротив. Мое счастье, что волк испугался не меньше людей. Он поджал хвост, забежал в ворота и юркнул в самую глубину вольеры. «Уф!» — перевел я дух, запирая клетку.

Наша директриса каким-то образом узнала о моем подвиге. Заодно досталось и Жене. «Неловко за вас перед мужем!» — выступала она. — Он будет думать, что в кино все такие!». Она недавно вышла замуж, и ее любимой песней было: «Лишь бы день начинался и кончался тобой!». Нас директриса считала не по возрасту легковесными. Ну, подумаешь: всего-то подложили на ее койку наскоро сооруженное чучело в тулупе и зимней шапке! Ну стало ей немножко дурно... Но ведь это не мы, а ее молодой муж слопал всю селедку за столом. Остались одни хвосты.

— Как ты его называешь? — спросил меня Женья. — «Потрохом»?

— «Потрохом» я зову своего кота. Он гораздо приличнее...

Женья оставался таким же легким в общении и работе. Но стержень внутри него крепчал. Он получил в наследство большую коллекцию грампластинок и теперь доставал меня обрывками классических мелодий. «А это Шуберт!.. А это Мендельсон!..». Каким-то боком его новое увлечение сказывалось на его отношении к жизни.

Как-то нам пришлось снимать травлю зайцев собаками. Свору прекрасных борзых привезли из Москвы. На выбранной полянке мы стали цепью, перекрывая зайцам дорогу к бегству. Но когда их выпустили из клеток, бедные ушастые бросились к нашим ногам, спасаясь от собак. В следующий раз зайцев пускали по одному. Собака в три прыжка догоняла его, хватала и подбрасывала в воздух. И тут раздавался вопль, похожий на крик ребенка. Женья добросовестно снял все дубли. Но потом сказал:

— Галина Андреевна, я думаю, вы этот эпизод в картину не вставите?

Угрызения совести не помешали нам съесть большую кастрюлю жареной зайчатины. Но это было уже вечером.

После этого мы снимали в «собачьем» полку. Был такой под Дмитровом. Там служили хозяева военных собак: караульных, санитарных, саперных. Каждую учили своему делу. Караульных натаскивали на свирепую охрану. Санитарных учили помогать раненым на поле боя. А саперных — вынюхивать мины. Были еще и собаки-минеры. Они носили на себя ящички с торчащим вверх рычажком. Их заманивали под стоящие на рельсах вагоны. Откуда несчастной собаке было знать, что в ящичке мина и что рычажок — это взрыватель. Он срабатывал при ударе о дно вагона. Это были «одноразовые» собаки.

Для съемок был устроен парад. Солдаты шли строем, и рядом с каждым выступала его собака. А впереди — командир полка с орденами Красного знамени на груди. Каждый — за подготовку какого-либо вида военных псов. Почетной гостьей на параде была певица Людмила Зыкина — подруга командирской жены.

А рядом с нами стояла Танечка Гутман — практикантка из ВГИКа. Она была дочерью известного режиссера-документалиста и постигала в нашей группе азы мастерства. Постигала легко и весело.

Я напрягаю память и сквозь море времени вижу ее на том берегу. Она все такая же — юная, чуточку нескладная, смешливая. Ей двадцать лет, и мы с Женей рядом с ней ощущаем себя такими же молодыми и беззаботными. И все нам в радость — и эта лесная дорога, и запах еловых шишек, и лай собак, отрабатывающих свой корм.

А вот мы втроем уже несемся вскачь за убегающей волной. А потом эти двое коварно хватают меня и держат на пирсе, пока водопад прибоя не захлестывает всех троих.

Мы в Сочи и снимаем новеллу про собаку, десять лет встречающую на остановке своего умершего хозяина. Наш фильм было бы лучше назвать «За что они нас любят?» — с большим знаком вопроса. Мы с Таней Гутман «организуем» массовку. Окрестные мальчишки с удовольствием лезут в кадр.

И вдруг Галина Андреевна получает дурную весть из дома. Опять Виктор Викторович... Она мгновенно собирается и в тот же день улетает в Москву.

И мы втроем оканчиваем съемки, поглядывая в режиссерский сценарий. Нам все равно весело.

После Сочи мы поехали в Талин — снимать «газовых» собак. Бывают, оказывается, и такие. Они вынюхивают на улицах утечки газа из городских магистралей. Я потрянул стариной — попробовал устроить группу в гостиницу. Позвонил из автомата в местное ЦК партии: «Мы приехали в ваш прекрасный город снимать важный фильм...». В Сухуми это срабатывало. А здесь голос с протяжным акцентом оборвал меня:

— Вы знае-ете, ку-уда вы звони-ите?

Пришлось директрисе устраивать нас в какое-то общежитие. Впрочем, вполне уютное. Как и все в Талине: улицы, старинные дома, погребки с вином и кафе со свободным доступом ко всякой вкуснятине. И люди, которые принимали нас и помогали со съемкой. Они показали нам и Пириту, и Кадриорг, и завезли в лесной ресторан, где угощали охотничьей дичью. Тогда еще кино уважали.

Я не терял времени даром. В смысле, не бросал своего сценарного ремесла. Моим очередным опусом стала «Витина планета» — история мальчика, который перед войной проводил каникулы в Симеизе — в Крымской обсерватории. Виктор Заславский любил звезды и мечтал о профессии астронома. Но началась война, и юный пулеметчик

погиб в бою. В память о нем астрономы дали имя «Витя» недавно открытому астероиду №1030.

Я был тронут — Галина Андреевна вытирала слезы, читая мой сценарий. И, разумеется, велела мне снимать его самому. Опять же, тайком от Долина.

Женя Потиевский был теперь нарасхват. Он ушел на большую картину, и я пригласил оператором на сюжет Олега Федотова.

Я с ним раньше не работал. И кое-что оказалось для меня сюрпризом. Первое «кое-что» случилось в Симферопольском аэропорту. Уж не знаю почему — мы решили здесь пообедать. Олег заказал рюмочку. Выпил — и почти мгновенно... плюхнулся лицом в борщ. «Хорошенькая экспедиция меня ждет!» — подумал я. Второе «кое-что» не заставило себя ждать. Надо было снять небо над морем. Олег попробовал прикрепить камеру к штативу. И вижу — не может: руки трясутся мелкой дрожью. Ассистент Вера — та самая, что была с нами на Куршской косе, — прижала его бедром к парапету. Видно, работала с ним не в первый раз. Олег припал к окуляру. А небо было роскошным — сквозь черные облака падал в море золотой луч. Столб света медленно плыл вдоль горизонта. «Какая красота пропадает!» — с горечью подумал я. (Надо же, всю эту красоту я потом увидел на экране!).

Зимняя Ялта была по-своему хороша. Море, летом такое ласковое, угрюмо билось о берег. Волны перехлестывали через набережную. Внезапно налетал снежный заряд, и кипарисы, как свечи, таяли на ветру. А потом проглядывало солнце, море синело и пахло весной.

Мы жили в студийном общежитии. Олег встретил знакомых девушек со студии Горького и пропадал у них, пока они не прибежали с мольбой: «Заберите его от нас!».

Ассистентка Вера привела в гости штурмана с торгового корабля. Он принес бутылку крепленого вина и банку кофе. Жеманная Вера пригубила глоточек и заявила: «Мы такое не пьем!».

— А мы пьем! — вцепился в бутылку Олег. Штурман было залепетал что-то, но Вера решительно выставила его, кинув вслед банку импортного кофе.

Олег долго размышлял над бутылкой, мешая мне спать. Бормотал, бормотал всякую околесицу, из которой я четко расслышал обращенное ко мне:

— Нет, ты не Пушкин!

Спорить я не стал. Что, я не знал этого, что ли?

Олег был потомственным интеллигентом. Видно, из тех — из «бывших». Он был начитан, у него были вкус и талант. Одно время он был женат на одной из студийных

красавиц. И не ее вина, что семья распалась. Инна и потом, живя в далекой Южной Америке, не переставала заботиться об Олеге.

В обсерватории уже не было никого, кто помнил мальчика Витю. Мы сняли телескоп, наблюдателей-астрономов, фотографии астероидов.

А сами астероиды снимали дома, на студии. Построили черный лоток и пускали по нему комки жатой бумаги. А звездное небо сделали тоже из бумаги — и тоже из черной — с пробитыми дырками и сильной лампой за ними. А снимали рапидом — ускоренной съемкой. И на экране по звездному небу плыли темные глыбы. Честно говоря, получилось не слишком убедительно. Что делать — компьютерная графика ждала меня далеко впереди. И новая общая работа с Олегом Федотовым — тоже.

С Женей Потиевским мы встречались теперь в коридорах студии. Очень быстро он стал одним из самых востребованных операторов. Что нисколько не сказалось на его слегка легкомысленном облике. Уравновешивало этот облик присутствие Жениного друга Тараса Алейникова. Только легкая усмешечка гуляла по бородавчатому лицу Тараса. И не скажешь, что это сын любимого комика нашего кино — Петра Алейникова. Петр Мартынович прославился в картинах Пырьева и Лукова. Все знали озорного и бесшабашного Ваню Курского — персонажа этих фильмов. К сожалению, актер и в жизни оставался таким же бесшабашным. Он много пил, и режиссеры перестали приглашать его. Помню случай, когда, еще школьником, я втиснулся в кунцевский автобус. В углу примостился какой-то мужичок в надвинутой на глаза кепке. Он что-то бурчал себе под нос. Я разобрал только: «Пьяный... Почему пьяный?..». От него здорово несло перегаром. Заметив мой взгляд, мужичок еще ниже опустил голову. Но я успел разглядеть в его лице что-то хорошо знакомое. Неужели это он? Неужели это, в самом деле, Ваня Курский? Но почему в таком виде? Позже, уже учась во ВГИКе и узнав кое-какие подробности биографии Петра Мартыновича, я сообразил: видно он приезжал, чтобы выступить на детском сеансе в нашем клубе «Заветы Ильича» и заработать копейку. И его завернули.

Петр Алейников умер молодым. Правда, в самом конце судьба улыбнулась ему: он сыграл в хорошем фильме «Утоление жажды» вместе с сыном Тарасом и дочерью Аришей.

Тарас снимался и после смерти отца. И все-таки выбрал профессию оператора. Он заканчивал ВГИК вместе с Женей Потиевским. И вместе они пришли на студию. И дружили до самой смерти Тараса.

Каждая встреча с Женей становилась поводом для моего словоизвержения. Я обкатывал на нем свои сценарные идеи.

— Жень, а знаешь, откуда родом стрекоза? — приставал я к нему. — А знаешь, какой страшный зверь личинка стрекозы? Ее называют «акулой пресных вод»...

— А знаешь, что птенцы, и правда, «желторотые»?

— А знаешь, из чего в старину делали чернила?

Женя терпел, терпел, а потом посылал меня колоть орешек знания в другом месте. Это он намекал на заглавную песенку журнала:

Орешек знания тверд, но все же

Мы не привыкли отступать.

Нам расколоть его поможет

Киножурнал «Хочу все знать»!

Но теперь у меня была и другая отдушина. При главном редакторе студии собрали молодых авторов. Так сказать, сценарный резерв. Мы приносили свои заявки и защищали их. Иногда Михаил Савельевич Шапров одобрительно кивал: «Занятно!».

Михаил Савельевич когда-то был секретарем у наркома иностранных дел Литвина. Естественно, что отсидел свое. Из него выбивали компромат на шефа, который был противником сговора с Гитлером. Только начавшаяся война спасла обоих.

Творческую молодежь иногда приглашали в малый зал Союза на Васильевской. Мы смотрели и обсуждали картины наших же молодых режиссеров. Я был поражен тем, как, оказывается, можно делать учебные фильмы. Казалось бы, какое здесь пространство для игры? А вчерашние инженеры, строители, геологи ухитрились превратить лекции по сопромату в увлекательное зрелище. И формулы в «Расчетах строительных конструкций» Андрея Герасимова становились персонажами элегантной математической пьесы. Своя драматургия была и в изящном плетении кадров «Изгиба прямого бруса» Лени Купершмидта.

Сильное впечатление оставляла красота изображения. В связи с этим фильмом я впервые услышал имя оператора Кобрин.

И настоящим открытием для меня стала этнографическая эпопея Купершмидта «Русский народный театр». В глубокой провинции авторы фильмов отыскиали чудом сохранившиеся старинные обряды. У меня до сих пор стоит перед глазами прекрасное лицо юной невесты и звучит ее проникновенный «плач». Не верилось, что это всего лишь отрепетированное для съемки представление. В интернете эти фильмы сегодня называют «легендарными». И опять же оператором был Владимир Кобрин.

— А ты знаешь, — пристал я однажды к Жене, — что натолкнуло братьев Люмьер на конструкцию съемочной камеры?

Я и сам это только что узнал. Вернее, только что придумал. Я давно хотел сделать сюжет об изобретателях кино. Прочел все, что было в научном зале Ленинки. И понял, что самое главное было в прерывистом движении пленки — в остановках на время экспозиции. А что движется прерывисто? Таня как-то раз строчила что-то на машинке, которую мы купили в кредит. И меня вдруг ударило.

Ну, конечно, съемочная камера — это гибрид швейной машинки и фотоаппарата! «Вот какой я умный!» — похвалил я себя. И написал сценарий «Изобретатели кино». Теперь надо было отвлечь Виктора Мироновича от бесконечной партии в шахматы. Я стоял над ним, скромно покашливая, и теребил в руках потрепанную от волнения рукопись. «Витя, тебя ждут!» — окликал его несколько раз соперник, надеясь уйти от проигрыша. «Сейчас, сейчас...» — не мог оторваться редактор. Наконец, ясность появилась в его взгляде, он прочел и одобрительно кивнул: «Гут! Изюминка есть!». Но мне то казалось, что там не просто изюминка, а, как говорила моя бабушка, «чимес мит компот»!

Сценарий быстро утвердили — конечно, под именем моей жены. И запустили в производство — под именем Ельницкой. «Ну что вы! — сказала Галина Андреевна. — Это ваша работа!».

У меня еще не было режиссерской привычки «катить бочку» на автора: «Что он тут понаписал! Где я все это сниму?». Поэтому я, терпеливо и как умел, срисовал изображение антикварного аппарата и заказал такой же ящик в макетном цехе. А «начинку» к нему отыскал у древнего коллекционера старой техники. И даже нашел где-то первобытный объектив. А в фильмотеке мне отобрали исторический кадр с прибытием поезда.

...И вот я стоял на ковре и ждал сурового приговора.

— Так вы, оказывается, подпольный классик! — сказал Долин. — В Париже вашу историю признали лучшим маленьким фильмом об изобретении кинематографа.

— Ну вот! — встрепенулась Галина Андреевна. — Я же говорю, что никакого отношения к этому творению не имею!

— Но фамилия-то там стоит ваша! И фамилия автора не его. Сделано в глубоком подполье...

Я рассказываю об этом не ради хвастовства. Но и промолчать не могу — эта минута была одной из самых удивительных в жизни.

А при чем здесь Париж? Борис Генрихович задумал выпуск советско-французского киножурнала, и в качестве эксперимента состряпал выпуск из двух «советских» и двух «французских» сюжетов. К сожалению, эта инициатива не была одобрена в «инстанциях», и ХВЗ №88 так и остался первым и последним интернациональным выпуском. Это не помешало Долину в частных беседах называть меня «подпольным классиком».

Впрочем, праздновал я недолго. Директор Дубинкин быстро вернул меня «на круги своя». В свое время я каким-то образом был назначен профоргом объединения. Мне это было нужно, как козе баян. Но ссориться не хотелось. Тем более, что вся общественная деятельность сводилась к сбору членских взносов и отмечанию дней рождения. Жаль только: Леонид Сергеевич Дубинкин видел во мне столпа своей «вертикали власти». Дважды он заставлял меня замещать его на время отпуска. А когда пошла компания по обязательной сдаче норм ГТО, директор решил, что я обязан быть в первых рядах бегунов на стометровку. «О. спорт, ты радость!» должен был своим примером доказать я. Но вот беда: спорт был мне совсем даже не в радость.

Я мог бы рассказать Дубинкину, как во ВГИКе я сдавал зачет по лыжам. Надо было какое-то немыслимое количество кругов пробежать по стадиону. Я бежал честно. «Бежал» — сильно сказано. Я полз до темноты в газах. Полз, высунув язык, Полз, умоляя, не знаю кого, не приводить на стадион девочек с нашего курса.

А еще я вспомнил бы, как мы со школьными друзьями ездили на велосипедах в Бородино. Как я выдохся уже на десятом километре. Отставал от всех и умолял: «Бросьте меня!». И потом долго лежал на горячем асфальте, перекрывая дорогу редким грузовикам. «А пусть давят!».

Короче говоря, я никуда не побежал. Возмездие не заставило себя ждать. На следующий день с утра меня пригласили к Долину. На столе перед ним лежал длинный список. Я узнал руку Дубинкина.

— Слушайте! — сказал Борис Генрихович. — До моего сведения довели (он сделал ударение на слове «довели»), что вы чуть ли не единственный автор всех сценариев нашего журнала...

— Вот! — Он указал пальцем на список. — «Муравьиные коровы», «Откуда родом стрекоза», «Бумажные осы», «У Мэри был барашек», «Витина Планета», «Сухой лист», «Красноротые и желторотые», «Чернильные орехи»...

— Борис Генрихович! — прервал я его. — Это же за десять лет! Я пишу в год два-три сценария!

— Что же с вами делать? — вздохнул худрук.

— А нельзя ли, — предложил я, — сделать меня штатным сценаристом. — Установить норму: два-три сценария за зарплату, а остальное — как получится.

— У нас же не Голливуд, — покачал головой Долин. — Нет такой должности в штатном расписании...

— Вы все-таки поосторожней с... этим, — заключил Борис Генрихович и с облегчением отпустил меня.

«Ну, Дубинкин! — думал я, возвращаясь в объединение. — Ну, погоди!

А что «погоди»? Что я мог сделать этому прохиндею? «Соли на хвост насыпать», как говорила моя мама?

Хорошо, что у меня сейчас были другие заботы.

У нас гостили брат с женой. Мы заканчивали обед, когда Таня спросила:

— Ты доел?

— Спасибо! А что?

— Поехали рожать!

Да, да! Год назад нашей Лене исполнилось двенадцать. С ней уже можно было говорить на равных. Но мы вдруг поняли, что ребенка в семье не хватает. И решили, «если что» — оставлять.

Так у нас появилась Аня. Принимая ее из рук медсестры, я почувствовал кровную связь с этим сопящим комочком. И даже некоторое чувство гордости: «Мой ребенок!». Я ревниво отгонял от детской кровати кота Тимофея, и его зеленые глаза недоуменно следили за нашей возней с пеленками: «почему его не подпускают к этим вкусно пахнущим ножкам?». Однажды он ушел на ночную прогулку и не вернулся. Я обыскал весь квартал. Все места, где обычно гулял с коляской.

А гулять приходилось много. Стояло жаркое лето 1972 года, и в нашей квартире без балкона было не продохнуть. Мы с Аней забредали, черт знает куда. А однажды даже навестили Валентину Яковлевну в ее доме на проспекте Вернадского. Она пришла в себя после операции и выглядела не очень. Но была рада. И даже помогла мне перепеленать дочку.

В жару было приятно очутиться в подземной прохладе. Мы спустились туда с площади Большого театра. Железная лестница вела в тоннель, по которому струилась речка Неглинка. Я ожидал чего-то смрадно-ужасного: всяких отбросов, может быть даже скелетов и уж, по крайней мере,дохлых крыс. Все было опрятно и пахло проточ-

ной водой. По бокам тоннеля тянулись аккуратные приступочки, вода едва покрывало дно. А нам нужен был хороший напор, чтобы Неглинка могла нести упавшего в нее фокстерьера.

Мы с Галиной Андреевной снимали детский фильм «Хвостик потерялся» — душещипательную историю о приключениях песика, который отбился от хозяев в большом городе. Оператором был Эдуард Давыдович Эзов. Он заметно сдал после смерти нашего друга Аркадия Миссюры. Но жара вдохновляла его на анекдоты. *«Ты слышал? — спрашивал он, — Минздрав рекомендует в жару больше пить и меньше работать? И сам же отвечал: — Так мы же всегда так и делаем!»*

Он снимал собачку на автобусной остановке, где она изображала поиски хозяина. И, вытирая пот со лба, приговаривал: *«Только русский человек может в пустыне в сорокаградусную жару пить водку и петь «Ой мороз, мороз...»*. Мы снимали собачку в такси, водитель которой, якобы, подобрал ее. Оператор тяжело дышал в закрытой кабине. И по этому поводу у него тоже был анекдот: *«Почему в вашей сауне так невыносимо жарко? — Наш банщик еще руку не набил. Он до этого работал в крематории»*.

Собачки каждый раз были разные. Они ведь за лето вырастали. Каждого нового песика приходилось дрессировать. А последнему досталось больше всех, он у нас спасся в подземной реке.

Да вот беда: в этой речке песику везде было по брюхо. Мы решили соорудить плотинку — поднять уровень воды. Перегородили тоннель листами фанеры. Вода стала быстро прибывать. Я положил сверток с бутербродами — нашим обедом — на приступочку и поскакал вниз — ловить сносимого течением песика.

— Пускаем! — закричала Галина Андреевна. Поток полетел мимо меня.

— Ой, чьи-то бутербродики плывут! — удивился я. Но надо было хватать дрожащего Хвостика и заворачивать в сухое полотенце.

Так мы и побрели голодные под Александровским садом, под Кремлем и вышли из тоннеля к Москве-реке, где нас ждал катер. На прощанье и я рассказал Эзову анекдот: *«Почем замолчало армянское радио? — Умер еврей, который придумывал ответы»*. По-моему, Эзов обиделся.

Точно не помню, но, кажется, эта тема родилась у Долина. Он захотел развить историю о спасении ребятами рыбьих мальков. «Живое серебро» — так назывался мой сюжет об этом в «пионерском» журнале.

— Из этого можно сделать фильм! — предложил он. — Как раз для Галины Андреевны!

До меня эту идею донесла Нина Марковна.

— Ты уж не рассиропливайся! — напутствовала она меня. Да я и так не собирался «рассиропливаться». Долин намекал на какую-то интригу вокруг взрослого браконьера, которого «перевоспитывают» сознательные пионеры. Это было в его вкусе, но у меня к такому повороту сюжета душа не лежала. Я хотел сделать познавательный фильм — рассказать о жизни рыб то, что было бы интересно самому последнему школьнику. А дети... Что ж, дети могли стать поводом для такого рассказа.

Вот, например, они спасают мальков во время весеннего половодья. Переносят их из оставшихся после спада воды луж в большую реку. Но ведь эти мальки — потомки осетровых — реликтовых рыб, современников динозавров. Они обитали в реках единого праматерика — Пангеи — уже двести миллионов лет назад. На Земле осталось не так уж много мест, где эти живые ископаемые могли бы чувствовать себя в безопасности.

Такие же древние рыбы — угри. Много-много лет их странное поведение оставалось загадкой для ученых. Похожие на змей хищники помогли подтвердить гипотезу о движении материков.

Обо всем этом я и написал. Долин был занят на съемках большой картины, и сценарий утверждала Нина Марковна. Ее, как будто, все устроило. Но меня беспокоило то, что моим единственным источником были книги. А как это будет на самом деле?

И вот здесь жизнь показала, насколько она разнообразнее двумерных представлений о ней. Леонид Сергеевич Дубинкин. Этот интриган мелкого разлива неожиданно предложил:

— Не худо бы автору съездить осмотреть объекты!

— У автора нет денег...

— Можно провести командировки по журналу!

И он таки устроил мне поездки в Астрахань, Ростов и Ригу. Я встретился с реальными рыбоведами, учеными, инспекторами рыбнадзора. И договорился о съемках. Дубинкин только предложил мне набросать отчеты об осмотре зоопарков — якобы для съемки какого-то мифического сюжета. А я ведь его ни о чем не просил.

Что такое съемка «уходящих объектов»? Это когда режиссерского сценария еще нет, смета не составлена, но происходит событие, которое нельзя пропустить. Вот мы и полетели в Астрахань — снимать конец половодья. Самый разгар операции «Живое серебро». А Галина Андреевна осталась заканчивать режиссерский сценарий.

Нас было трое: директор Рита Церешко, оператор Игорь Сосенков и я. Игоря я раньше принимал за студийного водителя — уж больно вид у него был простецкий. Я

только удивлялся, с чего этот «водила» все время ошибается в объединении. А оказалось, Игорь — вгиковец и просто хороший оператор. Только очень разговорчивый. Иногда приходилось спасаться от его многословия. Рита Церешко была подругой моей сценарной однокурсницы Инны Рабкиной. И все, что я о ней знал: у нее сложные отношения с мужем Веней. Это ни для кого не было секретом. Но на веселой и компанейской Рите ее семейные трудности внешне не отражались. И она была хорошим директором. И оказалась хорошим другом.

В Астрахани нас посадили на катер Рыбнадзора и повезли в низовья Волги. Рева здесь была не широкой, но быстрой. А потом она совсем разделилась на протоки. Мы плыли по узкому коридору в гигантских тростниках. Они почти смыкались над нами, а в просветах мелькали серые цапли. Один раз наш егерь махнул рукой: «Фламинго!». А в другой раз притянул багром и преподнес Рите пышный розовый цветок: «Лотос!».

Уже темнело, когда мы причалили к последнему на Волге посту Рыбнадзора. Дальше начинался Каспий. А здесь шли обычные вечерние хлопоты. Кто-то разводил огонь в очаге, Кто-то потрошил рыбу. На берегу торчали колышки, от которых к воде тянулись крепкие лески. Я подцепил одну — на другом ее конце затрепыхалось что-то несуразно большое. «Кукан» — объяснил егерь. Я и сам догадался, что так держат на привязи пойманных осетров.

— Будем есть икру по-кириленковски! — пригласил к столу егерь. Оказывается, этот пост — любимое место отдыха членов Политбюро. Они приезжают сюда — подалее от людских глаз — половить рыбку в первобытной тишине. А икру для быстроты приготовления окунают в горячий рассол. Так любит товарищ Кириленко.

На столе стоял котел с вареной осетриной. А рядом — немаленький котелок с икрой. Я нацелился было намазать ее скромным слоем на хлеб, как кто-то из хозяев остановил меня:

— Ложкой, мил человек! Ложкой!

Я посмотрел и стал делать, как они: зачерпывать икру ложкой, накладывать на половинку редиски и отправлять в рот. И запивать «Стрелецкой», которую мы привезли из Астрахани.

Утром мы завтракали остатками вчерашнего ужина.

— Опять икра! — со стоном сказала Рита. И я тоже почувствовал легкую дурноту.

Жили мы на катере в поселке «Кировский». Здесь была «тоня» — место для организованной ловли рыбы. «Раньше такие «тони» были на каждой протоке, — объяснили

нам. — А теперь остались считанные единицы. Рыбколхозам выделяют по десять дней для работы. И следит за сроками сам обком!».

Невод на лодке заводили на середину реки. А вытягивали его тракторной лебедкой. И рыбу тут же сдавали на плавучий рыбзавод. В основном это были севрюги. Но однажды я увидел, как кран поднимает на палубу белугу — величиной с маленького кита!

Снимали мы местных ребятишек. Командовал ими пожилой егерь. «Егорек», как прозвала его Рита за щупленькое «теловычитание». Гонял он ребят с ветерком и «матерком» — опять же по Ритиному выражению. Не скупился и на «поджопники», как говорил наш Игорь. Ребята были еще те «оторвы», но старались на совесть. Черпали мальков ведрами, сливали в большой бак, а потом с шумом и визгом выплескивали этот «суп» в реку. Игорь работал шустро, снимал с рук и везде успевал. Только единственный раз он чуть не выронил камеру, когда один ребяенок обозвал другого: «жид яврейский!». Я тоже был слегка ошарашен этим фольклорным изыском. Вот так вот: живешь-живешь — и вдруг открываешь для себя что-то новое и интересное.

Мы вернулись в те же места после утверждения режиссерского сценария и сметы. На этот раз с нами была и Галина Андреевна. Только рыбинспектор был другой — молодой и симпатичный. Он тут же «приклеился» к Рите и стал совсем ручным. Свозил нас туда, где Волга уже становилась морем. Каспий обмелел, — узнали мы, — а когда-то он доходил до самой Астрахани. В это с трудом верилось — только ржавые остовы судов по берегам напоминали о былом полноводье.

Беда и в том, рассказывал наш инспектор, что Волга зарегулирована плотинами, все места нереста, расположенные выше плотин практически недоступны осетрам и севрюгам. А ведь эти рыбы недаром называются «проходными»: большую часть жизни они кормятся в море, но на нерест обязательно возвращаются в места, где когда-то вылупились из икринок. Иди, объясни им, что туда прохода нет!

Вот почему ребятня, спасающая мальков, делает, и вправду, полезное дело. Каждая возвращенная в Волгу рыбка — это миллион икринок и тысячи будущих осетров!

Не буду лукавить — рыбу мы ели с удовольствием. Как-то раз мне пришлось тащить на наш катер севрюгу, подаренную рыбаками. Я держал ее за жабры, хвост волочился по земле, она дергалась и падала вместе со мной на песок. У самого трапа я вздумал прополоскать грязноватую севрюгу. Но сонная рыба в воде ожила и стала тащить меня на глубину. Хорошо, что спустился матрос с колотушкой.

На обратном пути в Астрахань Рита увела команду в трюм — рассчитываться. А меня поставили у штурвала. И я вел катер по Волге. Мне даже довелось провести его между опорами моста. Только вот когда со встречного суденышка мне зачем-то пома- хали флажком, я задумался: у меня же их три? На всякий случай просигналил всеми тремя. По очереди.

А потом я увидел горящий на берегу дом. Возле него сустились люди. Моя ко- манда причалила катер, и мы с ведрами бросились на помощь. Дом горел хорошо. Помню, как я мощным ударом сапога выбил оконную раму и шваркнул свою воду в огонь. И почему-то вспомнил давнюю жалобу Семена Райтбурта:

— Думаете, мне не хочется снять мушкетера, который ударом ноги выбивает окно и со шпагой в руке бросается в гущу гвардейцев: «За Францию! За короля!»?

Следующая наша экспедиция была на Дон. Моей дочери Лене исполнилось че- тырнадцать, и я решил: «Пусть посмотрит, как снимают кино». Да заодно и на сол- нышке прогреется.

В Ростове нас встретил инспектор местного Рыбнадзора. Мне не часто попадались такие властные и мужественные на вид люди,

— В городе делать нечего! — решил он за нас. — Везу вас в Семикаракорскую!

— А ... что там? — робко поинтересовался я.

— Биостанция! Там и жить будете, и ваше кино снимать!

Погрузились в его «газик» и поехали. На выезде из Ростова нас дважды тормозила милиция.

— Ищут... — объяснил инспектор. — Из лагеря сбежали...

— Да? — удивилась моя Лена. — У нас тоже бежали. Только их милиция не ис- кала...

Биостанция стояла над плотиной гидроузла. Плотина поднимала воду, делая Дон судоходным.

— А как же рыба, которая идет на нерест? — спросила Галина Андреевна.

— Для рыбы есть подъемник. Да вы сами увидите!

Мы, и правда, не только осмотрели, но и сняли этот рыбий «лифт». По сценарию, именно здесь ученые-ихтиологи отлавливают осетров и прикрепляют к ним миниатюр- ные передатчики. И потом отслеживают путь радиосигналов.

Осетры, переходя из моря в реку, должны приспособиться к пресной воде. Для этого они подолгу отлеживаются в «зимовальных» ямах. А потом плывут навстречу те- чению в поисках нерестилища.

Галина Андреевна хотела показать работу ученых глазами детей. Их на биостанции не было.

— Сходите в станицу! — предложил инспектор. — Там у друзей большая семья. Они вам целый полк соберут!

И нас с Леной отправили на другой берег Дона. Дорога шла по узкому гребню плотины, мимо часового, над пеной бушующего водопада. Лена боязливо жалась ко мне. Да и самому было как-то не уютно.

Семикаракорская выглядела богато. Добротные дома, ухоженные сады, виноградники. Узнав, от кого мы, нас приняли как дорогих гостей. Лену тут же свели с веселой ватагой ребятишек, а меня посадили за стол. И я узнал, что такое казацкое гостеприимство. Но мы не просто пили. Мы беседовали за жизнь, обсуждали международное положение. Делились семейными секретами. Я пересказал хозяевам фильм «Звуки музыки» — он как раз шел в местном кинотеатре. И, по-моему, даже спел им кое-что из репертуара Джулии Эндрюс. А чего? Они же мне стали, как родные. Но когда я запел «Тихий Дон — мой батюшка», оказалось, что кончилась выпивка. Пришлось послать соседа на край станицы — к бабке Маланье за самогоном. Спасибо, что был... этот... Слово «мотоцикл» я выговорить не смог. Он же еще был с коляской. Лена, время от времени контролировала меня. «Мне хр... хр... хршо! — успокаивал я ее. Когда настало время уходить, радушные хозяева предложили оставить Лену у них. «А утречком она вместе с пацанами прибежит на засъемку!».

— Леночка, води себя прилично! — наставительно прошептал я. Все-таки ж отец!

Меня уложили в коляску, и мотоцикл в минуту доставил меня к плотине.

— Да он дойдет ли? — побеспокоились между собой хозяева.

— Д...да...дойду! — успокоил я их.

Мы расстались, как братья. И я пошел. Я старался идти прямо, хотя плотина оказалась какой-то кривой. И раза в три длиннее, чем днем. Кто ее вытянул? И кто зажег прожектор и заставил его бить прямо в глаз? Второй-то у меня, слава богу, не открывался. И кто поставил часового на другом конце плотины? Что он на меня так пристально смотрит? Что во мне такого? Идет себе человек над обрывом. Ну, хорошо ему. Ну, весело. Ну, старается петь громче — водопад же шумит, проклятый...

Наши проснулись, когда я ошупью пробирался по коридору.

— А где Лена? — почему-то забеспокоилась Рита.

— Н...не... знам... — коротко ответил я. Не время же обсуждать.

— Да он пьяный! — предположила Галина Андреевна. — Господи, как же он шел через плотину!

— Где он потерял ребенка? — не могла успокоиться Рита.

Ай, да не мог я сейчас объясняться. Все кружилось и катилось колесом. Я попробовал лечь, но меня тут же подняло и вынесло во двор. Я упал в капустные грядки. Вот! Тут-то мне стало совсем ничего. Если бы не проклятый прожектор и не часовой, чьи глаза отдельно от него висели надо мной.

Утром меня нашли в капусте.

Мы снимали на катере с учеными и детьми. «Мы» не совсем точно. «Мы» приходили в себя в тенечке, а рядом Рита прорабатывала мою дочь:

— Как же ты его отпустила... такого?

— Ой, сама не знаю!.. Его же хотели оставить, а он ни в какую... «Мои там ночь спать не будут!..».

— Да уж... Ночку он нам устроил...

— Лена! Иди в кадр! — прервала воспитательную беседу Галина Андреевна. Она сделала мою дочь «актрисой» в массовке. Лена изображала юного натуралиста на «уче-ном» катере. Она мешала мне собраться с мыслями. Только я останавливал вращение мира, как она влетала на палубу и фальшивым голосом объявляла: «Осетр в сети запутался!». Не знаю, как ей удавалось произнести это слово. «Запут-т-тался!». Галина Андреевна снимала дубль за дублем, но Ленин голос не становился натуральнее. Наконец, она прокричала: «Он же утонет!». «И слава богу!» — подумал я. Может, тогда и мне дадут спокойно умереть...».

На другой день все выглядело несколько иначе. Мы снимали спасение осетра. Но спасать приходилось ребятишек, которых он измордовал своим хвостом, стараясь выпутаться из сетки.

— Так не выйдет! — сказал инспектор. — Надо это делать на мелководье!

Он перенес рыбину в канаву, где воды было по колено. Пришлось Игорю лечь на живот. «Глаза в глаза!» — как сказал он. И все получилось. Только бедный осетр совсем выбился из сил.

— Устал бороться за жизнь! — заключил наш инспектор.

И скоро мы сидели вокруг костра на берегу тихого Дона. А в котелке вкусно булькала уха из осетрины и стерляди.

— А ничего, что мы вот так?.. Здесь же рыбу ловить нельзя?..

— Со мной все можно! — успокоил меня хозяин. — И потом это же для науки!

Снимали мы наших натуралистов и в походе. Ребята шли по берегу с приемником, ловили сигналы «радиоосетра». Лена не очень ловко карабкалась на крутые обрывы.

В один из свободных вечеров Лена завлекла всю группу в кино. Смотрели те самые «Звуки музыки». Моя дочь была фанаткой этого фильма. И прожужжала всем уши рассказами о его красотах, об актерах и музыке. Кинотеатр был летний, небо еще было светлое, пленка все время рвалась, из динамиков раздавалось какое-то бульканье и кряканье. В общем, мы вышли во взаимном недоумении.

— Что тут может нравится? — вопрошал Игорь.

— Для детей и домашних хозяек! — подливала масла в огонь Рита.

Галина Андреевна тактично молчала. Не удалось Лене приобщить мою группу к высокому и чистому.

Какое уж лето проводили мы в Черепкове. Жили в доме, который до нас снимал Володя Рыклин. Он оставил в наследство маленький допотопный холодильник. «Раньше он стоял в Мавзолее», — объяснил Володя. Я поежился. Насколько я знал, в Мавзолее лежат.

— Ты что! Мавзолей — это же целый институт!

Когда я был дома, мы с маленькой Аней бродили по деревне. Если было дождливо, я укутывал ее в полиэтиленовую пленку, и мы отправлялись в гости к моим теткам, которые снимали дачу по соседству. Или к ее бабушке — в сельпо, где дочке перепадало чуточку сладкого.

Как-то мы отдыхали на лавочке, недалеко от пруда. К нам подсел местный старичок, который с утра пораньше был «принявши». Долго-долго рассматривал ребенка, а потом с большим сожалением изрек:

— Такая маленькая, а уже еврейка!

В конце лета мы выехали в Латвию. И я снова взял Лену с собой. Пусть поживет среди взрослых людей.

Мы остановились на биостанции в Огре. Это маленький городок на Даугаве. Здесь реку перегораживает плотина, а в ней устроен рыбоход — гигантская лестница, по ступеням которой скатывается вода. Мы снимали, как рыбы скачут против течения, серебристыми змейками мелькают в падающем потоке. Но главное, что нас интересовало, — угри.

Эти змеевидные рыбы — давняя загадка природы. С древних времен людей поражала их способность переползать из водоема в водоем. Они скользят по мокрой траве — и правда, как змеи.

Но главный секрет, который долго не могли раскрыть ученые, — откуда берутся угри? В реках и озерах — местах их обитания — никогда не находили ни икринок, ни мальков этих таинственных рыб. В свое время Аристотель даже предположил, что угри — это выросшие дождевые черви, порождения ила.

Вот с каким «персонажем» нам пришлось иметь дело. Местные ихтиологи соорудили небольшой бассейн, в котором мы снимали крупные планы рыб. Труднее всего оказалось заставить угрей ползать. Пришлось оттащить парочку подальше от воды и ждать, пока они не соскучатся по ней. Но зато потом они вели себя, как настоящие кинозвезды. У нас даже не поднялась рука жарить их.

Нам рассказали, что прожив в реках десять-пятнадцать лет, угри по ночам «скачываются» к морю. А потом опускаются в глубину океана и плывут... Знаете, куда? В Саргассово море! Здесь они и нерестятся.

Некоторое время мальки живут в этом море, а потом теплое течение Гольфстрим относит их за тысячи миль к берегам Европы. Ученые полагают, что некоторые особи угрей могут расти и в море. И вырастать до гигантских размеров. Не отсюда ли пошла легенда о чудовищном морском змее, способном потопить старинный парусник?

Лена все время жалась к Галине Андреевне. Она уловила обаяние этой женщины, скрытое за строгой сдержанностью облика. «Она столько всего знает!» — восхищалась дочь. Лена не употребляла слова «мудрая», но именно это имела в виду, когда рассказывала мне потом о своем впечатлении. «Для нее все люди интересны. И она никого не судит. Считает, что люди имеют право на какие-то слабости...».

Зато моя дочь была недовольна своим отцом. И не только из-за того случая на Дону. Ей казалось, что я легкомысленно веду себя.

— Почему ты позволяешь смеяться над собой? — выговаривала она мне.

— Видишь ли... Лучше я первым подниму себя на смех, чем это сделают посторонние. Один умный человек как-то сказал: «Принимай себя всерьез, но не навязывай этого мнения другим!»... И вообще, мне кажется, если человек не может сказать о себе: «Господи, какой же я дурак!», то он и в самом деле дурак...

А вот что я постеснялся ей сказать: «Кино-то снимают по моему сценарию!».

А Галина Андреевна?.. Что ж, Галина Андреевна? Как-то я увидел ее довоенные фотографии, «когда мы были молодые и чушь прекрасную несли...».

— Галина Андреевна! — удивился я. — А ведь вы не были монашкой!.

Она и не спорила. И почему-то вдруг ужасно обиделась, когда я обозвал Згуриди «Одиссеем» — хитрым греком...

Улетать мне пришлось досрочно. Сначала я отправил Лену. Но меня тут же вызвала Таня — нам предстоял очередной переезд. Четверым стало тесно в двухкомнатной «носопырке», и мы вступили в кооператив в Беляеве. Его строили, можно сказать, на наших глазах. По жеребьевке нам достался шестой этаж в среднем подъезде. Это считалось удачей, там селились члены правления. А двумя этажами выше оказался молодой режиссер нашей студии Лев Наумович Чернявский.

В последний мой вечер в Огре состоялись проводы. Галина Андреевна отпускала меня без всякого восторга. Предстояли съемки с детьми. Но с нею ведь оставалась Рита и оператор с ассистентом. Не пропадет!

Мы хорошо посидели. Кстати, с нами был и молодой рыбный инспектор из Астрахани. Он ведь и на Дон приезжал. «Ритин хвостик» называли мы его. Из осторожности Риту решили на ночь отселить ко мне. «Тебе одному можно ее доверить!» решили все. Что они хотели этим сказать?

После наших посиделок мне можно было доверить не только Риту, но и целый шахский гарем. Меня волновали две вещи: как бы не «отдать» все выпитое и как бы не опоздать на самолет. Студийный водитель, который «проводжал» вместе со всеми, клятвоуверенно уверял меня:

— Не бойсь!.. У меня в автобусе будильник! Разбужу!

Проснулся я от света. Часы показывали тридцать минут до вылета. А езды было не меньше сорока.

— Да вот... как-то... черт попутал... — слабо оправдывался водитель. Трясуцимся руками он завел мотор. Доехали мы за двадцать пять минут. Двигатели самолета работали, от него отвозили трап.

Видно отчаяние на моем лице было так сокрушительно, что дежурная сказала только «Pintikis» («простофиля», как я догадался) и поволокла меня с чемоданом на летное поле. Трап возвращали к самолету. Пассажирам я старался в глаза не смотреть.

На студии нам выделили клетушку в подвале, где макетчики соорудили «Атлантический океан». Командовал ими художник Яша Бенин. Они с Галиной Андреевной приходили первыми и прокладывали для стеклянных рыбок маршрут странствия. Я же беззастенчиво опаздывал и, к негодованию художника, начинал вносить поправки в их работу.

— Он же сценарист — он лучше знает! — успокаивала Галина Андреевна раздраженного Яшу.

— Пусть приходит вовремя! — бушевал Бенин.

А ведь до этого у нас были хорошие отношения.

Худо ли, бедно ли, эпизод мы сняли. Показали, как давным-давно, когда Европа и Америка составляли единый материк, угри нерестились в большой реке или озере — там, где сейчас Саргассово море. Потом материки разошлись, но древний инстинкт все еще ведет рыб через Атлантический океан — в места, где их предки нерестились во времена динозавров.

Галина Андреевна решила озвучить фильм актерскими голосами. Кое-какие реплики в сценарии были, кое-что я написал перед озвучанием. Актеров пригласили из Театра юного зрителя. Звукооператором у нас был Саша Романов — друг и ученик Кирилла Амовича Бек-Назарова. Они оба были лучшими в своей профессии, но оба страдали одним и тем же недугом.

Вот и сегодня Саша с трудом держал голову на плечах. Это раздражало актеров. Особенно недовольна была девушка Лия. Она же не знала, что Саша даже в таком состоянии делает свое дело лучше других.

— Я думала, нас позвали на серьезную студию! — выступала Лия. — А это какая-то шарашка!

Потом она переключила свое негодование на автора текста.

— Кто это написал! — возмущалась актриса. — «Ихтиология»... «Биологическое равновесие»... «Температурный режим»... Не детское кино, а диссертация! Что тут играть?..

Неприятный холодок пробежал по моей спине. Я вдруг подумал, что она, может быть, и права. В моем сценарии не было ни заходеровского юмора, ни занимательности Дорохова. Это было малоприятное открытие, но самому себе врать не хотелось.

Озвучание закончилось поздно ночью. Дежурный автобус развез нас по домам. Напоследок девушка Лия еще раз высказала все, что думает о нашем звукооператоре и о нашей студии вообще. Пристыженный и расстроенный я не обратил внимания на советование молодой актрисы по поводу того, что сейчас ей придется одной в темноте бежать до своего подъезда. До сих пор переживаю, что не пошел провожать Лию Ахеджакову.

А картина, и правда, вышла не самой удачной. Долин мне прямо этого не говорил, но Нина Марковна призналась, что он ожидал лучшего. Мне кажется, и Галина Андреевна была расстроена. И вообще, она устала. Как-никак, шестьдесят три года. «Старая гвардия», можно сказать.

«Старая гвардия» потихоньку уходила. Чуть ли не каждый день в холле первого этажа вывешивали объявления в черной рамке; «С прискорбием сообщаем...». Не бы-

ло уже старушки Степановой. Умер классик немого кино Тарич. Проводили Яшина и Усольцева. Доживал свою красивую жизнь Альберт Гендельштейн, но больно было смотреть на трясущиеся руки бывшего жуира и женолюба. Лесная, 27 приказывала долго жить.

Похоронами занимался мой бывший директор Яков Давыдович. Он больше не был Израилевым. После шестидневной войны он взял фамилию жены. «Бывший князь, а ныне трудящийся Востока» — вспоминал я классиков. Но надо сказать, товарищ Сурин знал свое дело. Хоронил с размахом — насколько позволяли выделенные профкомом деньги. Многие даже ставили обязательным условием своей, не дай бог, кончины: «пусть меня провожает Яков Давыдович!».

Но уходили не только в иной мир.

Волею судьбы в железном занавесе образовалась маленькая щель. И главный режиссер скомандовал: «Евреи, на выход!».

В коридорах студии наблюдалось брожение умов. В холле четвертого этажа даже перестали играть в нарды. Тема была уж больно животрепещущая. «Вы слышали! Слава Цукерман уезжает!». «И Володя Матлин!». «И Непомнящий!». «Как? И Фролов? Он же Фролов!». Мегеры из кадров дружно осуждали бедную Лизу Степанову: «Нашла с кем путаться! Он же Фролов только по фамилии!».

О скромном Фролове вообще говорили больше, чем, — так и хочется сказать — «при жизни». Рассказывали, что он поручил студийному другу распродать свою большую библиотеку. Друг нанял машину, погрузил книги, а пока запирал квартиру, водитель, якобы, удрал. Некоторые верили.

Сионисты вели себя тихо. Подавали заявления в ОВИР. Собирали нужные справки. А как же! Без характеристики из страны не выпускали. Всем писали одно и то же: «В общественной жизни не участвовал». Мол, не большая потеря для коллектива.

В парткоме исключали из партии заслуженного ветерана Шмаина. Так полагалось — коммунист не мог покинуть страну победившего социализма. Старый Шмаин бил себя в грудь и божился, что будет бороться за светлое будущее в рядах коммунистической партии Израиля. Просил оставить ему партбилет. Какая-то светлая голова с презрением бросила: «Бежишь, как крыса с корабля!».

А что же я? Я понимал, что интермеццо между двумя частями оркестр доиграл. Пора начинать новую музыку. Что говорить, работа ассистента — одно удовольствие. В хорошей группе, с приятными людьми — порхаешь по жизни — и никакой ответственности. Но если ты хочешь большего...

Конечно, расставаться с родным объединением было грустно. Но здесь мне ничего не светило. Борис Генрихович прямо сказал:

— У меня мастерская во ВГИКе. Каждые четыре года я выпускаю студентов, А на студии для них места нет. Поймите мое положение!

Я понимал. И если обижался на него, то совсем немного. Слава богу, на «Центрнаучфильме» были художественные руководители, не обремененные студентами и не боявшиеся рисковать. К тому же Михвас перед уходом на пенсию легкой рукой подписывал назначения. Вот уже и все мои операторы стали режиссерами: и Хольный, и Беренштейн, и Володя Рыклин. И даже Краснов.

— Лопатин к тебе хорошо относится, — говорила Берта Михайловна. — Я показывала ему твои сюжеты. Он в тебя верит.

Вячеслав Сергеевич Лопатин к тому времени стал руководителем объединения учебных фильмов. Не знаю — его ли это заслуга, или просто так совпало, но только учебное кино становилось лицом студии. На международных фестивалях фильмы Дитковского, Валова, Купершмидта получали первые награды. И даже самые кондовые педагоги соглашались с тем, что преподавание не исключает выдумки и игры. Кино воспитывало заказчиков.

Лопатин просил меня набраться терпения:

— Надо выждать подходящий момент!

И я ждал. А что мне еще оставалось. Не кричать же: «Хочу быть режиссером!».

Тем более, что занятие у меня было. Я придумал четыре сюжета для киножурнала. О ключах. Самых разных: обычных, телеграфных, музыкальных. Рассказчиком должен был стать Буратино. Как же без его Золотого ключика!

Снимать мою «лебединую песню» вызвалась Валентина Яковлевна. Опять мы работали вместе. Правда, недавняя болезнь давала о себе знать. Иногда мне приходилось деликатным покашливанием будить задремавшего режиссера. Тем не менее, мы съездили в Павлово на Оке, где был старинный музей замков. В Коломенском мы снимали «ключ от города». В Политехническом — древние телеграфные аппараты. И снова Шандор Калош играл на лютне для сюжета о Гвидо из Ареццо — изобретателе нотной грамоты. Валентина Яковлевна все делала добротнo: с актерами, костюмами, реквизитом. В те времена сметы на производство сюжетов позволяли многое.

То, что называлось «немым вариантом», мы сдавали Варенцову — новому директору студии. Я читал текст под еще не озвученное изображение на экране. Читал и чувствовал, что ведь получилось, что посмотрится. И лучше всяких аплодисментов было

одобрение на лице Долина. И даже, я бы сказал, выражение скромной гордости за «Хочу все знать».

Я стоял на перекрестке времен. Многое решала за меня сама жизнь. Она сдирала с меня одну кожу, облачала в другую. И давала хороший пинок — для ускорения.

Глянь — и река времени уже несет меня в иных берегах. Только радости и горе — все те же.